

И В А Н

ЛЮБЕНКО

• поцелуй анаконды •

Клим Ардашев

Иван Любенко

Поцелуй анаконды

«Автор»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2 Рос=Рус)6-44

Любенко И. И.

Поцелуй анаконды / И. И. Любенко — «Автор», 2015 — (Клим Ардашев)

ISBN 978-5-699-84487-6

«Поцелуй анаконды» – сборник детективных рассказов, действие которых происходит в купеческом Ставрополе начала XX века. Клим Пантелеевич Ардашев волею судьбы снова вовлечен в ряд таинственных происшествий – причем одно из дел вконец запутало местных полицейских. Все началось с гибели директора цирка, задушенного питоном. Затем в один и тот же вечер во время представления на арене случаются сразу две трагедии: на глазах у публики разбивается канатоходец и медведь разрывает дрессировщика... Полицейские склонны считать, что все это несчастные случаи. Но Ардашев подвергает сомнению их версию и в короткий срок отыскивает хитроумного убийцу.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84 (2 Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-84487-6

© Любенко И. И., 2015
© Автор, 2015

Содержание

Круазё	6
1	6
2	7
3	9
4	11
Обезглавленный пассажир	15
1	15
2	23
3	24
4	26
Загадка Амфиокса	29
1	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Иван Любенко

Поцелуй анаконды (сборник)

Эта книга посвящается моей внучке Ангелине Сериковой

© Любенко И., текст, 2015

© Асадчева Е., иллюстрации, 2015

© Оформление ООО «Издательство «Э», 2015

Круазé

1

На Петров пост, ночью 30 июня 1908 года, в Ставрополе творились чудеса. Над собором повис огненный шар, который, обойдя несколько раз вокруг колокольни, бесследно растворился в черном, словно вымазанном дегтем, небе. Безлюдные, пустые улицы наполнились заунывным и протяжным, как скрип несмазанного колеса, собачьим воем. К нему присоединилось неугомонное карканье ворон, невесть отчего проснувшихся и одним махом заполонивших окрестные ветви деревьев. Лошади в экипажах встали на месте, били копытами и отказывались подчиняться возницам. Из кромешной темноты выплыла яркая, как газовый рожок, луна, осветила на миг землю и так же внезапно исчезла. А где-то далеко, за многие тысячи верст отсюда, в непроходимой таежной Сибири, в устье реки Тунгуски упал метеорит.

Утром стало известно, что сразу в разных частях города от шаровой молнии дотла сгорело несколько домов, а в Софиевском храме неожиданно-негаданно рухнул большой колокол – что само по себе было дурным предзнаменованием. Так все, собственно, и вышло...

– Да, да, сударыня. Несомненно, вы можете купить в нашей аптеке яд. Только я обязан удостовериться в вашей личности и занести информацию в книгу учета ядовитых препаратов, – вежливый и услужливый провизор аккуратно выводил буквы в толстой книге.

2

– Вот, Клим Пантелеевич, выписка из аптеки обо всех покупателях яда за этот год.

Поляничко протянул Ардашеву лист бумаги, исписанный каллиграфическим почерком.

– Номер один: Троеглазова Анфиса Терентьевна, по мужу, – купеческого сословия, 37 лет, проживает по Госпитальной улице, дом 25. Купила десять золотников¹ смеси крапчатого болиголова. Под вторым номером был записан поручик Самурского пехотного полка Швеенфорт Святослав Андреевич, 26 лет от роду, квартирует по улице Параллельная, дом № 42. Купил четыре золотника порошка цианида. А последним покупателем смертельного снадобья за 1908 год в аптеке Минца был приказчик бакалейной лавки Айвазова Артем Морозов; адрес: улица Плевневская, 23. Ему зачем-то понадобилось 50 золотников опасной смеси из соединения мышьяка, свинца и таллия, которой обычно травят крыс. Все бы ничего, и об этих обычных с виду покупках говорить бы не стоило, если бы муж Анфисы Троеглазовой – Афанасий Нилович – не отдал бы душу Господу на вторую седмицу от Петрова поста. Следом за ним Тигран Айвазов отчего-то взял да и помер. А ведь жизнелюб был, каких свет не видывал! Редко мимо себя красавицу какую пропускал. Если кто ему по душе придется – не отлипнет. Забросает подарками, цветами и дорогим шоколадом фабрики «Эйнем». Будет день-деньской волочиться, покуда не обретет женскую ласку. Правда, пару раз за неумную кавказскую навязчивость ему крепко досталось. Говорят, муж одной приказчицы отдубасил Тиграна в его же собственной лавке. Отлежался болезный пару дней, кровью покашлял, а потом снова нафрантился и запорхал как сизый голубок в чистом небе. И опять за свое. Вот на днях повел в отдельный кабинет ресторана одну мамзельку мармеладного вида. Да и гульнул на славу: заказал бутылку сабли, рябчиков в сметане, мадеру, мороженого всякого, грушу в хересе, кофе с ликером «Бенедиктин». И пора бы уже закругиться да вести красавицу на экскурсию в опочивальню, как захотелось ему напоследок в общий зал! Вскарabalлся на сцену и давай фертикулясы всякие с местным кордебалетом выкидывать! А потом ящик мозельвейна на всех посетителей заказал. Ходил по кругу, со всеми чокался и любезности всякие высказывал, как вдруг, ни с того ни с сего, рухнул замертво. Дамочка оказалась замужем за этим самым Морозовым, а тут мы с Кашириным пожаловали, и пошло да поехало позорное разбирательство: что да как, и кем этот покойничек ей, сердешной, приходится. Красотка сразу в обморок. Сам Артем отказывается говорить, для чего он яд покупал. Арестовывать его пока не стали. Успевается. При осмотре вещей умершего я обнаружил вот это.

Поляничко передал Ардашеву маленькую плоскую бутылочку с этикеткой «Оздоровительные капли для мужчин». Адвокат тщательно исследовал с помощью лупы каждый дюйм пузырька, а потом внимательно изучил пробку.

– Вот, Клим Пантелеевич, поэтому я к вам и пожаловал, – потягивая ароматную вишневую наливочку, объяснял цель своего очередного визита начальник сыскной полиции. – Но и это еще не все. У поручика, что цианид купил, есть возлюбленная Мария Тимофеева. Приблизительно месяц назад пытался этот самый Швеенфорт к ней посвататься. Но родитель девушки, известный в городе издатель, браку воспротивился и, как мы выяснили, дочери со всей строгостью наказал: «Негоже тебе за безродного офицерику замуж выходить. Да и внуков я хочу каждый день своими глазами видеть, а не их фотокарточки из военных гарнизонов получать. Ослушаешься и пойдешь за него без отцовского благословения – прокляну! Пока я жив, иному не бывать!». А третьего дня Илья Борисович выпил на ночь успокоительного, лег спать и больше уже не проснулся. Вчера схоронили. В том пузырьке ничего не осталось, так что определить состав не удалось. Вот, я и его на всякий случай прихватил. – Ефим Андреевич достал из сак-

¹ Золотник – русская мера веса, равнялась 4,26 грамма (здесь и далее прим. авт.).

вояжа маленькую бутылочку из темного стекла, заткнутую деревянной пробкой, и поставил на стол перед Ардашевым.

– А что поручик? – Присяжный поверенный понюхал содержимое пустого флакона, вытащил пробку и положил ее на стол.

– Клянется, что в смерти Тимофеева он не виноват. Для чего яд покупал, не признается. Мы провели у него обыск, нашли только оставшиеся два золотника. Где недостающие два – говорить отказывается. Молчит. Судебный следователь и полковое начальство его арестовали. Сдается мне, что зря. Уж слишком глаза у него ясные, да и взгляд открытый. Я, знаете ли, всякого в жизни насмотрелся. Почитай, тридцать лет служу. Так что злодея от невинного отличить сумею. Офицер этот стишки, оказывается, всякие пишет. – Поляничко вытащил блокнот и протянул адвокату. Тот углубился в чтение.

– Да, строчки и впрямь невеселые:

Разлуки мы перенести не смогли
И вместе в холодную землю легли...

– С Троеглазовой тоже заминочка вышла. Муженек-то ее страдал запоями. Вот она и решила его от беды спасти. Купила в той же аптеке травяной настой от пьянства и потихоньку добавляла ему в борщ. А крапчатый болиголов разбавила спиртом и оставила в кладовке. Муж, по-видимому, ночью встал и решил, пока жена спит, слегка опохмелиться. Да ошибся и хватил отравы. Ядовитого вещества осталось почти с бутылку. Она так и не смогла толком пояснить, для какой цели его купила. Ну, мой заместитель сдуру и накричал на нее. Анфиса совсем в себе замкнулась и разговаривать с нами перестала. Следователь Леечкин и ее заключил под арест. Скорее всего, говорит, именно она яд в борщ и подливала. А историю с кладовкой просто выдумала. Вчера стража перехватила записочку, которую вдова послала на волю. Адресовалась своему возлюбленному – учителю мужской гимназии Якову Соломоновичу Миркину. Вот, пожалуйста. – Поляничко достал из кармана свернутый кусочек бумаги и прочитал: – *«Милый, что бы ни случилось, я ни в чем не виновата. Твоя Анфиса»*. Антон Филаретович сегодня его допросил. Жидкий оказался субъект. Стоило Каширину напустить страхов, как он все перед нами выложил, не постеснялся даже обрисовать интимные подробности любовных утех с купчихой. Слизняк. Такой на убийство не пойдет. А еще тюремный фельдшер при осмотре обнаружил у нее постыдную болезнь в очень запущенной форме. Тут я, признаться, совсем в растерянности, и что уже думать, не знаю. – Полицейский начальник встал с глубокого кожаного кресла, подошел к открытому окну и с интересом стал наблюдать за гуляющей по Николаевскому проспекту публикой.

– Предлагаю, Ефим Андреевич, пройти до аптеки и проверить, нет ли нового покупателя смертельных экстрактов. Сдается мне, что это не последние жертвы ядовитого снадобья, – предположил адвокат.

3

От особняка Ардашева до бывшего лекарского заведения Минца было десять минут ходу. Да и то если идти не спеша и без конца оглядываться на красоток, дефилирующих по густой аллее бульвара. Именно так, беспрестанно озираясь по сторонам, передвигались два горца в черкесах и папахах, видимо, впервые оказавшиеся гостями цивилизованного общества.

В вестибюле было пусто. В самом центре располагался большой рецептурный стол с конторкой и выдвижными ящиками. На нем стояли медицинские весы с разновесками, микроскоп, многочисленные мензурки, пинцеты и прочие предметы, необходимые для «штандглаза»². На полках лежали горчичники товарищества «В.К. Феррейн», мыло «Ягодное» от перхоти, глицериновая пудра, крем для лица с ироничным намеком «Метаморфоза» и цветочная вода мануфактуры «А. Ралле и К.». В самом углу продавалась газированная вода Шаболовского завода сладких напитков.

– Доброго здоровьица, господа! Каким ветром занесло двух уважаемых людей в нашу тихую лекарскую обитель. – Расплывшись в улыбке, вышел к гостям старший провизор Поликарп Сумский.

Не протягивая руки, начальник сыска сухо произнес:

– Потрудитесь нам представить документы по расходу ядовитых веществ.

– С превеликим удовольствием.

Не замечая явной нерасположенности полицейского чиновника к ответным любезностям, аптекарь протянул открытую на нужной странице книгу.

Поляничко прочитал вслух новую запись:

– «Номер четыре. Шатилова Варвара Сергеевна, экономка, квартирует по адресу: Николаевский проспект, дом тридцать восемь. Купила десять золотников цианида». Если я не ошибаюсь, Клим Пантелеевич, здесь указан ваш адрес, не так ли? – повернувшись к адвокату, спросил сыщик.

² Штандглаз (устар.) – аптечное оборудование.

– Именно так. Варвара моя горничная. Сегодня утром она брала какие-то деньги и намеревалась приготовить смесь для борьбы с мышами. Их полчища развелись в заброшенном соседском каретном сарае. Но для этого достаточно было бы и обычного мышьяка, – недоуменно пожал плечами Ардашев.

– В этом нет ничего удивительного, – по-свойски объяснил провизор. – Ваша прислуга попросила у меня самый сильный и быстродействующий яд. Я поинтересовался, для чего он ей нужен. Девушка ответила, что собирается травить грызунов. А поскольку хозяйка их панически боится, то сделать это надо быстро, поэтому цианид подойдет как нельзя лучше. Затем ваша экономка отправилась на базар за мукой, необходимой для приготовления ядовитой мешанины. Да что ж вы, Клим Пантелеевич, неужто думаете, что и вас кто-то отравить собирается? – сложив губы трубочкой, аптекарь удивленно поднял брови.

– Действительно, полная глупость. Кстати, Поликарп Лаврентьевич, сегодня пятница, и я, как обычно, надеюсь сразиться с кем-нибудь на бильярде. Говорят, что вы большой мастер «русской пирамиды». Думаю, что лучшего места, чем трактир «Медведь», нам не найти. А что если прямо сейчас? Ну как, принимаете предложение? – Глаза адвоката загорелись азартом и выдали в нем заядлого игрока.

– С удовольствием составлю вам компанию, дорогой Клим Пантелеевич, вот только попрошу помощника заменить меня у стойки. А вы, Ефим Андреевич, не хотите ли к нам присоединиться? – скользнув взглядом по лицу полицейского, Поликарп с любопытством ожидал ответа.

– А почему бы и нет? Я наслышан о виртуозной игре господина Ардашева. Жаль, только видеть не приходилось. Слава богу, случай, наконец, представился. Будет за кого «мазу держать»³, – не отрываясь от изучения витрины с надписью «яды», вполголоса проронил Поляничко.

³ Мазу держать (бильярдный жаргон) – делать ставку на того или иного игрока.

4

Бильярдный зал трактира славился не только единственными в городе качественными столами Фрейберга, но и киями, сделанными на заказ у известного столичного мастера Алексея Чемоданова. В этот час только один из четырех столов был занят. Публика стекалась медленно и первым делом рассаживалась за свободные столики, чтобы под вареные раки и красную икру особого закусочного посола отведать «Живого пива Антона Груби» и потом понаблюдать за мастерством лучших игроков заведения. К ним, несомненно, и относился присяжный поверенный Ардашев.

– Надо же, какие гости прибыли! Что изволите подать, господа? Закуски или кии? – суетился немолодой уже маркер Прохор Степанович, или просто дядя Проша.

– Предлагаю заказать бутылку старого греческого коньяку, кофе и фруктовый десерт. Согласны? – вежливо осведомился Сумский.

– Боюсь, что на очень старый коньяк моего жалованья не хватит, – усмехнулся в усы полицейский.

– Не беспокойтесь, Ефим Андреевич, платить будет проигравший с первой партии: либо я, либо господин провизор. Стало быть, вам тревожиться не о чем, – выбирая кий, успокоил сыщика адвокат.

– Во что изволите играть-с? – справился дядя Проша.

– В русскую, – закончив мелить кончик кия, уточнил аптекарь.

Ардашев великодушно предоставил сопернику сделать первый удар, и оказалось, что это благородство обошлось ему в девятнадцать очков, которые записал на себя Сумский, положив с разбивки тройку, потом подрезал в угол девятку, а заказанную семерку отправил дулетом в середину. Но четвертым ударом решил отыграться и поставил биток на короткий борт.

– «Папашу»⁴ об шестого абриколем⁵ налево в угол, – Ардашев из очень неудобного положения великолепным ударом загнал непростой шар в дальнюю от себя лузу. А затем превосходно выполнил еще пять прицельных ударов и уже вел в счете 52:19. Тем временем половой накрыл небольшой столик, подле которого уютно разместился Поляничко.

– Предлагаю, господа, прерваться и оросить наши желудки напитком Древней Эллады. Такой коньяк не пьянит, а только согревает душу и проясняет ум. – Поликарп на правах угощающего неторопливо наполнил рюмки, достал из внутреннего кармана какой-то маленький пузырек и проговорил: – Я совершенно забыл угостить вас фирменной настойкой из тридцати восьми трав, произрастающих на возвышенности, известной в народе под названием Стрижамент. Ее приготовил наш доктор Эрнест. Этот чудодейственный эликсир лучше употреблять со старым коньяком, благодаря которому он обретает неповторимый аромат и быстрее усваивается организмом.

– Поликарп откупорил деревянную пробку и влил во все три рюмки по чайной ложке темной, как деготь, жидкости. Все выпили и снова продолжили прерванную партию.

– Чудесно проводим время! Все-таки, господа, общение с вами дорогого стоит. Ну что, скажите, полезного я могу узнать от Каширина, который за всю свою жизнь ничего, кроме «Уголовного уложения» или циркуляров Департамента полиции не читал? Или вот товарищ прокурора Свинолугов... он только о своей подагре и вспоминает. Или жалуется слезно, что из-за неправильно подброшенного вала на журфиксе у Высотских проиграл в подкидного дурака целковый. То ли дело здесь: красивая игра, утонченный аромат коньяка и настойка – подумать только! – аж из тридцати восьми трав! Лучше бы эти душегубы покупали ее вместо

⁴ «Папаша» (бильярдный жаргон) – шар № 15 (прим. авт.).

⁵ Абриколь – удар битком сначала о борт, а затем в прицельный шар (прим. авт.).

яда. А то ведь так скоро и весь город потравят. Как вы думаете, Поликарп Лаврентьевич, а почему злоумышленники только к вам за этой смертельной отравой ходят? Ведь есть же в городе еще три аптеки. Ну чем им ваше заведение так приглянулось? – закончил неожиданным вопросом безобидные рассуждения Поляничко.

– А вы у них и спросите, Ефим Андреевич. Глядишь, туман и рассеется, – раздраженно проговорил провизор и киксанул⁶, получив пять очков штрафа, после чего отошел в сторону и принялся усердно мелить кий.

– «Два семишника»⁷ об восьмерку направо в угол, – произвел очередной заказ Ардашев и тихо пустил четырнадцатого, который, стукнувшись о восьмой, получил легкое вращение и благополучно ввинтился в лузу.

– Что ж, господа, предлагаю снова вкусить живительной средиземноморской влаги. – Сумский быстро разлил коньяк, достал бутылочку с резиновой пробкой и вылил содержимое в рюмку Ардашева и Поляничко. Затем спохватился, что не оставил себе, махнул рукой и уже собирался выпить, как адвокат его прервал.

– Разрешите, я сначала закончу партию, а уж потом и выпьем. Боюсь, что после дополнительной порции у меня дрогнет рука. – Присяжный поверенный снова тщательнейшим образом намелил кий и подошел к бильярдному столу. До заветной цифры «71» Ардашева отделяло всего пять очков. – Седьмого в середину от двух бортов.

– «Расписаться»⁸ решили, оно и понятно, – вздохнул Поликарп и стал как раз напротив той лузы, в которую целил Ардашев. Такое поведение среди серьезных игроков не приветствовалось. Аптекарь уже дважды нарушил общепринятые джентльменские правила: не говорить сопернику под руку и не становиться перед той лузой, куда метит партнер. Может быть, это и сбilo адвоката с привычного победного ритма. Седьмой шар не докатился до заветной цели на дюйм и, как говорится, почти «свесил ноги» в лузу.

– Ох, и вьете вы из меня веревки, Клим Пантелеевич! – покачивая головой, с довольной улыбкой пропел Сумский. – Так уж и быть, угостимся позже, а пока попробую раскатать партию⁹.

Провизор без особого труда забил подставку, заказал и удачно выполнил три дальних прямых удара и уже набрал шестьдесят очков. Спешно ударил снова, но немного не докрутил биток и от этого не смог «потушить»¹⁰ «туза»¹¹ в дальнюю лузу.

Расстроившись, Поликарп в сердцах стукнул толстым концом кия о пол, подошел к столу, взял рюмку и со словами:

– За прекрасную игру и достойного противника, за вас, Клим Пантелеевич! – опрокинул содержимое внутрь.

– Ну и как? Я слышал, что цианид имеет привкус миндаля. Вы его уже ощутили или еще нет? – любознательно поинтересовался Ардашев и леденящим, как дыхание смерти, голосом добавил: – Я поменял рюмки.

Поликарп тут же засунул в рот два пальца и, пытаясь искусственно вызвать рвоту, перегнулся пополам. Ошалевшая от гортанных звуков публика вскочила с мест. Ничего не понимающие официанты попробовали вывести его на улицу, но аптекарь упал на спину и, глядя в потолок, стал судорожно креститься и причитать:

⁶ Кикс – неудачный удар кием по битку, когда наклейка соскальзывает с шара («осечка»).

⁷ Два семишника (бильярдный жаргон) – шар № 14.

⁸ Расписаться (бильярдный жаргон) – эффектно забить последний шар в партии.

⁹ Раскатать партию (бильярдный жаргон) – закончить партию серией точных ударов, каждый раз выводя свой шар на нужную позицию.

¹⁰ Потушить (бильярдный жаргон) – забить в лузу.

¹¹ Туз (бильярдный жаргон) – шар № 1, который при игре в малую русскую пирамиду имеет 11 очков.

– Господи, боже наш, еже согреших во дни сем словом и помышлением, яко Благ и Человеколюбец, прости ми грехи, яже сотворих в сей день делом, словом и помышлением, и очисти, Господи, смиренную мою душу от всякия скверны плоти и духа. Аминь.

– Ну вот и отмаялся, грешный. Видно, преставится, – проговорил Поляничко и трижды перекрестился на висевшую в правом углу икону.

А провизор, услышав его слова, тихо заплакал.

– Да нет, Поликарп Лаврентьевич, не менял я никаких рюмок. Просто вас проверил и, к сожалению, оказался прав. Так что вставайте, пол холодный, не ровен час, простудитесь, – спокойно изрек Ардашев и, отщипнув ягодку от большой виноградной кисти, отправил ее в рот.

Сумский не поверил своим ушам. Он медленно поднялся с пола, сел на стул, закрыл лицо руками и затрясся в нервных конвульсиях. А Поляничко хитро улыбнулся, разгладил густые усы и с лукавым прищуром проговорил:

– Такого водевиля я еще не видывал. Ну, Клим Пантелеевич, вам бы в Большом театре пьесы ставить! И как же, все-таки, вы этого супостата раскусили?

– Предвкушая занимательный рассказ, начальник губернского сыска открыл табакерку, достал щепоть любимого нюхательного табаку фабрики Чумаковых, потер крупички подушечками пальцев, поднес к каждой ноздре душистую смесь и, с наслаждением прикрыв глаза, вдохнул аромат спелой вишни.

– Видите ли, меня, как и вас, с самого начала смутил тот факт, что все три жертвы связаны с одной и той же аптекой. Более того, пробка пузырька от успокоительных лавровишневых капель, которые принимал издатель Тимофеев, изготовлена из ядовитого дерева олеандра, а при контакте его древесины с жидкостью, содержащей спирт, вырабатывается крайне опасное вещество, быстро разрушающее печень. На самой пробке и горловине пузырька остался след от красного аптечного сургуча, стало быть, возможность, что кто-то третий мог ее подменить, полностью исключается. Что же касается самого поручика, то он и его возлюбленная решили отравиться вместе. Вот для этого ему были нужны цианид и, конечно, плохие зауспокойные стихи. Теперь офицеру стыдно признаться в малодушии, и он предпочитает томиться под арестом. Недостающее количество убийственного вещества вы наверняка найдете у Марии Тимофеевой. Таким же образом погиб и купец Троеглазов, которого отравили медленным ядом, добавленным в настойку от алкоголизма. Я думаю, вы сможете в этом легко убедиться с помощью химического анализа. А его жена полностью невиновна. Она, как известно, приобрела ровно десять золотников сухой ядовитой смеси, разбавила спиртом и поставила в кладовку. А бутылка, с ваших слов, на момент обыска осталась почти полная. Но смертельная доза для взрослого мужчины составляет более пяти золотников. Конечно же, мы не знаем, для чего Анфисе нужно было это опасное снадобье, но теперь это и не важно. Убийство местного Дон Жуана Айвазова произошло по известному вам сценарию. Аптекарь уничтожал только тех, кто мог иметь с покупателями ядов неприязненные отношения, пусть даже чисто теоретические. А, значит, у подозреваемых имелся мотив – главный элемент обвинения, благодаря которому полиция должна была пойти по ложному следу. Очередной жертвой должен был стать я вместе с вами. Обвинить можно было кого угодно из присутствующих в трактире или даже меня самого, как перепутавшего рюмки злодея. Пытаясь отравить нас, Сумский держал во внутреннем кармане пиджака две плоские темные бутылочки: в одной – настойка из тридцати восьми трав, а в другой – разбавленный цианид – самый сильный яд из всех, что есть в аптеке. Я обратил внимание, что в первый раз провизор подливал эликсир в коньяк из пузырька, закрытого деревянным клинышком, и пил вместе с нами, а во второй раз, когда ему якобы не хватило эликсира, он достал точно такой же флакон, но уже с черной резиновой пробкой. Оставшийся в наших рюмках яд – еще одно подтверждение его вины. Ну, а теперь, господин провизор, позвольте закончить партию.

На глазах изумленных посетителей трактира Ардашев подошел к бильярдному столу, тщательно помел кий, прицелился и, озвучив последний заказ, выполнил редкий по красоте и сложный по исполнению удар «круазе», при котором чужой шар, в результате точной резки своим, отразился от борта, пересек линию движения битка и упал в среднюю лузу.

Публика аплодировала.

– Ну что ж, Поликарп Лаврентьевич, вы проиграли и потрудитесь оплатить расходы, – повернулся к Сумскому присяжный поверенный. Но стараниями Поляничко руки отравителя уже были надежно скованы ручными полицейскими цепочками.

– Позвольте, Клим Пантелеевич, все расходы понести мне. Пусть это будет скромной платой за то удовольствие, которое я получил не только от безукоризненно проведенного расследования, но и от вашей виртуозной игры. К тому же только что вы спасли мне жизнь, – благодарил Ардашева полицейский.

Как сообщила газета «Ставропольские губернские ведомости», во время обыска на квартире у маньяка-отравителя нашли дневник со следующей записью:

«30 июня 1908 года. Мир безнадежно испорчен. Человечество, развращенное стяжательством и пороком, безжалостно разрывается на части сворой алчных и циничных толстосумов, которые опустошают кошельки тех, кто в покорном смирении сносит ниспосланные богом страдания и унижения, мирится с бедностью и нищетой. Сегодня ночью открылось небесное предназначение моего пути: очистить мир от грязи и шелухи заблудших человеческих душ. К вам пришел я – художник смерти».

Обезглавленный пассажир

1

Уединившись в кабинете, Ардашев любил погружаться в тишину. Не столько в тишину внешнюю, сколько во внутреннюю. Ему нравилось прислушиваться к своим ощущениям. Они рождались вроде бы из ниоткуда, из, казалось бы, бессмысленного созерцания предметов или явлений. Внимание присяжного поверенного мог привлечь случайный солнечный зайчик, пойманный медным маятником часов и носившийся по обоям в безнадежной попытке остановиться, или оплавленная свеча в жирандоли, которая, точно ревматическая старуха, корчилась в тяжелых муках и была не в силах распрямиться. В такие минуты и возникали первые строчки его рассказов. Обычно все начиналось с одного-единственного неприметного слова, определяющего все предложение. Стоило ему появиться, как перо, точно живое, начинало бежать по строчкам и едва поспевало за словами. Бумага, будто парус, поймавший ветер, несла полет воображения в неизведанное море литературного сюжета. И лишь необходимость макать в чернильницу крохотный кусочек скрипучего металла замедляла бег мыслей начинающего писателя.

Когда первый лист был уже почти исписан, послышалось треньканье механического звонка в передней. «Ну вот, – вынырнув из воображаемого мира, подумал с сожалением адвокат, – принесла кого-то нелегкая!» А еще через несколько секунд раздался стук в дверь, и на пороге появилась горничная Варвара.

– Клим Пантелеевич, к вам доктор Нижегородцев. Примете?

– Да, конечно.

Николай Петрович Нижегородцев – один из немногих, кого Ардашев был готов видеть в любое время. Судьба их свела случайно, но с первых же минут знакомства он понял, что частнопрактикующий врач – его человек. Клим Пантелеевич давно разделил всех людей на две категории: «мой человек» и «не мой человек». Последних было, конечно же, большинство, но тут уж ничего не поделаешь, приходилось приноравливаться к окружающей действительности. Стоит заметить, что с некоторых пор присяжный поверенный создал себе собственный мир или, сказать точнее, вполне удобное общество, в котором он и жительствова: жена Вероника Альбертовна, горничная Варвара и персидский кот Малыш. Нет, нельзя сказать, что Ардашев был типическим мизантропом. Ведь работа присяжного поверенного Окружного суда этого не допускала. Да и журфиксы у Высоцких он не пропускал, и синемаатографическими сеансами в «Биоскопе» не брезговал. Не обходилось без преферанса за ломберным столиком и русской пирамиды за столом бильярдным. Для карт и бильярда Клим Пантелеевич соперников не выбирал, а вот для шахмат – другое дело. Сидеть несколько часов за доской с малоприятным человеком – удовольствие сомнительное. Тут важна некая родственность душ или, по крайней мере, единство взглядов твоего визави. Да и двигать фигурки из слоновой кости адвокат предпочитал у себя дома: в хорошую погоду – в беседке, а в ненастье – в кабинете. Так что далеко не все знакомые Ардашевых удостаивались чести разыграть сицилианскую защиту или ферзевый гамбит с отставным сотрудником МИДа. Другое дело Нижегородцев – человек скромный и интеллигентный, почти чеховской наружности, если не считать слегка заметную расположенность к полноте. С первой же встречи он проникся к Ардашеву уважением. А стоило ему увидеть, как приехавший в Ставрополь столичный адвокат мастерски расследует преступления, то к названному чувству добавилось и восхищение. И теперь доктор считался вполне «своим» в доме № 38 на Николаевском проспекте. Медикус – надо отдать ему должное – старался не злоупотреблять гостеприимством и не тревожить отставного коллежского советника без лишней

надобности. В особенности не рекомендовалось наносить адвокату визиты по воскресеньям, когда Клим Пантелеевич, после возвращения из Успенской церкви, предавался литературным занятиям. Только вот сегодня, как назло, было второе воскресенье августа одна тысяча девятьсот восьмого года.

– Доброго дня, Клим Пантелеевич, – переступая с ноги на ногу, вымолвил гость. – Знаю, что оторвал вас от любимого дела, но, как говорится, не извольте гневаться...

– К чему все эти извинения, Николай Петрович? – поднимаясь со стула, перебил доктора Ардашев. – Проходите, присаживайтесь в кресло, а я вам свежей вишневой наливочки налью и угощу осетинским сыром. Без этого церемониала я, как вы знаете, серьезного разговора не начинаю. А вы, как я заметил, именно с таким намерением и пожаловали.

Присяжный поверенный вышел, дал распоряжение горничной и, воротившись, достал из шкафчика хрустальный графин.

– Вероника Альбертовна большая мастерица по части изготовления наливки из шпанской вишни. Секрет этот достался ей от матушки.

Тут же отворилась дверь; Варвара поставила на стол тарелочку с порезанным сыром и приборы. Клим Пантелеевич наполнил рюмки.

– Ваше здоровье!

– И вам здравствовать!

Прикрыв глаза, Ардашев, не торопясь, дегустировал живительную влагу. Когда рюмка опустела, он закусил кусочком сыра и, откинувшись в кресле, сказал:

– Ну-с, слушаю вас внимательно.

– Даже не знаю, с чего начать, – неуверенно выговорил доктор.

– С конца, дорогой мой, с конца. Это всегда экономит время.

– Ну, хорошо, – пожал плечами Нижегородцев, – как скажете: на днях стало известно, что по городу в экипаже разъезжает обезглавленный труп.

– То есть как это разъезжает? – выпрямляясь в кресле, спросил адвокат.

– А так: еще второго дня по Ставрополю ходили слухи, что где-то у Иоанно-Мариинского монастыря по расплывшейся от дождя и грязи дороге тащилась странная коляска, запряженная пегой лошастью. Монашка, шедшая в город, утверждала, что на козлах кучера не было, а на пассажирском месте сидел труп без головы, который и погонял лошадей. Естественно, никто этим бредням не поверил, но вчера ночью в полицейский участок залетел испуганный извозчик. Старик точно не в себе был и клялся, что как раз мимо него и проследовал экипаж с обезглавленным пассажиром. Мол, извозчик клевал носом на Госпитальной, как вдруг услышал стук копыт на мостовой. Повернувшись, увидел, что едет коляска без возницы. Когда пригляделся, то заметил в ней господина со скрещенными на груди руками. Со стороны могло показаться, что седок барыню танцевать собирается. Все бы ничего, да только головы у него не было и вся одежда залита кровью! В общем, на всякий случай в тот район послали городского. Все улицы они изъездили, но странного экипажа так и не отыскали. А утром в участок прибежала молочница. От страха тетка тряслась и плакала. Когда ее водой отпоили, она поведала, что на Театральной проехала коляска, в которой развалился обезглавленный мертвяк, а руки у него крест-накрест были, точно вот-вот в пляс пустится. Сами понимаете, от полицейского управления до Театральной улицы рукой подать. Послали туда аж трех городских на полицейской пролетке. Но никакой коляски с покойником не нашли. Когда совсем рассвело, экипаж-призрак увидели на Армянской улице под окнами купца Саркисова. Рыжая кляча притащилась к своему дому и щипала в палисаднике траву. Обезумевшая хозяйка узнала в окровавленном покойнике обезглавленного мужа. Сами понимаете, что тут началось! А вы разве ничего об этом не слышали? – Врач удивленно приподнял брови.

– Представьте себе, нет, хотя... – Ардашев на миг задумался. – Варвара что-то подобное рассказывала супруге, но я не считал нужным даже обращать на это внимание, потому что

каждый раз, когда прислуга возвращается с Нижнего базара, у нее появляются новости, и, как правило, одна страшнее другой.

– Нет, на этот раз все произошло на самом деле. Завтра об этом наверняка напишут местные газеты... Вчера бедолагу Саркисова похоронили в закрытом гробу. Голову, как вы понимаете, так и не нашли. Власти завели дело об убийстве. А сегодня утром Каширин, Поляничко и судебный следователь Леечкин прибыли домой к Василию Никаноровичу Безобразову (он держит магазин музыкальных инструментов на Александровской) и провели обыск. Они нашли какие-то бумаги и сразу его арестовали. По их словам, он подозревается в убийстве купца Саркисова. Все это происходило на моих глазах. Я как раз осматривал его супружницу – Татьяну Павловну; у нее вот-вот роды должны начаться. Пятого ребенка ждут. Василий Никанорович так расстроился, что ничего толком в свое оправдание и сказать не мог. Все жену утешал: «Успокойся родная это ошибка, они разберутся и сегодня же меня отпустят». Правда, уже потом, перед самой дверью, Безобразов шепнул мне на ухо, чтобы я к вам за помощью обратился, но Каширин услышал его слова, рассмеялся в голос и сказал: «Тебе, душегубец, теперь сам Господь не поможет, а не то что пришлый адвокатишко». Вы уж простите, Клим Пантелеевич, что я все дословно передаю, но иначе...

– Ничего-ничего, продолжайте.

– А когда они ушли, Татьяна Павловна передала мне для вас вот это. – С этими словами доктор вынул из внутреннего кармана пиджака увесистый почтовый конверт и положил на столик. – Она так и сказала: «Примите, говорит, Николай Петрович, гонорар для господина присяжного поверенного. И не считите за труд, передайте ему мою просьбу: если уж мужа обвиняют в убийстве Саркисова, а он – я это точно знаю – не виновен, то пусть господин адвокат попытается выяснить, кто же все-таки настоящий преступник. Даст бог – повезет, а нет – я к господину Ардашеву претензий иметь не буду. Пусть не беспокоится». Так что, Клим Пантелеевич, сообразовайте сей гонорарий принять.

Ардашев взял конверт, повертел его в руках и, бросив на стол, заметил:

– А непросто будет Безобразова из этой истории выпутать. Чувствую, глубоко он увяз.

– Простите? Что вы хотите этим сказать? – Доктор воззрился на собеседника вопросительным взглядом.

– Он и впрямь был знаком с Саркисовым давно. По крайней мере, не менее двух лет.

– Вы хотите сказать, что видели их вместе два года назад?

– Помилуйте, Николай Петрович, – наполняя рюмки, воскликнул Ардашев. – В шестом году я еще и не задумывался о приезде в Ставрополь, не до того было.

– Полагаю, вам кто-то рассказал об этом?

Клим Пантелеевич покачал головой.

– Саркисов?

– Нет, не имею чести знать.

– Безобразов?

– Я с ним лишь раскланивался при встрече. И не больше.

– Значит, это гипотеза?

– Нет, это бесспорный факт.

– Но на каком основании вы беретесь утверждать, что жертва и предполагаемый убийца были знакомы не менее двух лет, если никто вам об этом не сообщал, с Безобразовым вы об этом не говорили, а Саркисова вообще никогда не видели? Откуда вам это известно?

– От вас, дорогой Николай Петрович, от вас!

– Как это? – широко раскрыв от удивления глаза, пробормотал эскулап.

Ардашев взял конверт, повертел его в руках и передал Нижегородцеву.

– Смотрите, супруга Безобразова положила деньги в один из конвертов, оставшихся после обыска. Оно и понятно: дама расстроилась, и ей было не до условностей. Однако обра-

тите внимание: отправитель: Арам Р. Саркисов, Пятигорская улица, дом 5; получатель: Безобразов В.Н. Адрес хорошо читаем. Да и письмо заказное. Стало быть, важное. Согласно дате на штемпеле, послание отправлено 25.06.1906 из Георгиевска; прибыло в Ставрополь 29.06.1906. Наверняка конверт успел побывать в руках и у Поляничко, и у Леечкина. Но по какой-то нам неведомой причине он полицию не заинтересовал. Может, письма внутри не оказалось, а может, нашли более любопытную корреспонденцию, не знаю. Не исключено, что за давностью лет посчитали конверт малоинтересным, хотя уже по его наличию можно судить о том, что отношения между покойным и Безобразовым были не простые.

– Что вы имеете в виду?

– А стали бы вы хранить чей-то конверт двухгодичной давности (любовная переписка не в счет)?

– Вряд ли...

– Вот! А зачем нужен старый адрес отправителя, если он, судя по вашим словам, поселился в Ставрополе на Армянской улице?

– Трудно сказать.

– А вот и нет! Видимо, между ними были какие-то финансовые отношения, которые достаточно долго продолжались. Вот и решил Безобразов сохранить на всякий случай конвертик с адресом из Георгиевска. Мало ли что? Вдруг разыскивать компаньона придется? Предположу, что Безобразов мог ссудить Саркисову какую-то сумму под проценты либо товар какой-то отпустил. Тут бы хорошо с самим подозреваемым поговорить, но, к сожалению, встретиться с ним я смогу только в суде, если, конечно, таковой состоится.

– Да, чуть не забыл, жена Василия Никаноровича сказала Леечкину, что никакого Саркисова она не знает.

Ардашев поднялся, подошел к окну, отодвинул портьеру и, разглядывая улицу, выговорил задумчиво:

– Вероятно, так и есть, хотя...

– Что?

– Не исключено, что она не случайно положила деньги именно в этот конверт.

– Думаете, хотела дать намек?

– Трудно сказать. Но все-таки что-то здесь не сходится. Сдается мне, что без разговора с Поляничко не обойтись. Слишком мало у меня исходных сведений, чтобы делать серьезные выводы. Пожалуй, стоит прогуляться до полицейского управления. А что, Николай Петрович, составите компанию?

– С удовольствием.

– Тогда не будем терять время. Надеюсь, он еще на службе.

От дома Ардашевых до полицейского управления всего ничего: каких-нибудь минут двадцать ходу, да и то если идти не спеша, раскланиваясь со встречными знакомыми.

Выбрасывая вперед трость, Клим Пантелеевич неспешно прогуливался по бульвару. Время от времени он останавливался, доставал из кармана сюртука жестяную коробочку с надписью «Георг Ландрин», извлекал цветную конфетку и, положив ее под язык, следовал дальше. Нижегородцев из вежливости тоже замедлял шаг, ожидая, когда его спутник продолжит движение. Он понимал, что в эти минуты Клим Пантелеевич опускался на самое дно размышлений и его не стоило тревожить пустыми разговорами. Надо признать, что доктор чувствовал настроение адвоката. Наверное, поэтому иногда они могли гулять часами, не проронив ни слова. Жара уже спала, и от деревьев веяло прохладой.

Николаевский проспект представлял собой длинный бульвар с высаженными по обеим сторонам вязами, липами и каштанами. Он начинался от Тифлисских ворот – восточной границы города – и тянулся вверх на полторы версты до здания Окружного суда. По обеим сторонам широкой асфальтированной дорожки стояли лавочки. На одной из них, почти напротив Соборной лестницы, в прошлом году Клим Пантелеевич обнаружил труп местного коммерсанта – Соломона Жиха. За несколько дней до этого покойный напросился на прием к приехавшему из столицы адвокату. Заплатив солидную сумму, он обратился с весьма странной просьбой: попросил найти своего будущего убийцу. Согласитесь, ничего себе предложенье! Клим Пантелеевич тогда лишь пожал плечами и промолчал, полагая, что через некоторое время этот странный субъект с потными ладонями вернется за оставленными деньгами. Но мир непредсказуем! Все случилось именно так, как того боялся визитер: его нашли мертвым на самой оживленной улице города. Смерть наступила от удавки, сделанной из фортепьянной струны. Убили среди бела дня. Это было первое большое расследование Клим Пантелеевича. Позже Ардашев, как не чуждая литературному труду персона, окрестил те события «маскарадом со смертью». Именно так он и назвал бы свой будущий роман, описывающий события прошлого года. И это наверняка случилось бы, не появившись перед ним местный писатель Илья Кургучев, который и поведал миру о расследованиях присяжного поверенного Ставропольского окружного суда на страницах «Северо-Кавказского края». Как бы там ни было, но за последнее время Ардашев умудрился раскрыть с десяток злодеяний: «Роковая партия», «Смерть антрепренера», «Серый монах», «Демон», «Кавказский скорый»... Рассказы Кургучева выходили один за другим, и тиражи газеты неуклонно росли. «Да, всякое было в моей жизни, – думал бывший дипломат, – но вот дела об обезглавленном трупе, усаженном в коляску, еще не попадались».

– А вон и Поляничко, – указывая на человека, спускающегося вниз по ступенькам Соборной лестницы, проговорил Нижегородцев.

– Собственной персоной, – кивнул Ардашев и зашагал навстречу.

Приблизившись, начальник сыскного отделения улыбнулся и, протягивая руку, воскликнул:

– Ага! Вижу, что Николай Петрович выполнил просьбу Безобразова. Не прошло и нескольких часов после его ареста, как лучший адвокат губернии уже торопится к полицейскому управлению.

– Сразу видно профессионалиста, – разведя руки в стороны, вымолвил Ардашев. – Прочитали наши мысли, точно книгу.

– Ну вот, значит, и вторая моя догадка верна: раз вы шли в полицейское управление, то надеялись встретиться со мной, дабы узнать детали по делу об убийстве Саркисова, потому как ни Леечкин, ни тем более мой помощник Каширин вам ничего не скажут. Они тайну следствия блюдут свято. Я прав?

– Бесспорно, так как второе предположение есть следствие первого.

– Эх, Клим Пантелеевич! Ведь знаете, как старик Поляничко вас уважает, вот и пользуйтесь моей добротой. Хотя, – он лукаво сощурился, – я вашей пользуюсь чаще. Уж скольких злодеев благодаря вам мы на каторгу отправили – не счесть! Повывели кровопийцев, как клопов со старого дивана. Недавнее дело Бельского как сейчас перед глазами стоит. Не разгляди вы след от гвоздика на рамке картины, сидел бы я уже на пенсии да скучал. А душегуба-отравителя в прошлом месяце как раскрыли? Он же, паршивец, весь город в страхе держал. Да! Ловко вы его тогда на бильярде разделали, помните? Круаз! То ж не удар был, а волшебство! – Поляничко покрутил нафиксатуаренный ус и вздохнул: – С вашими способностями шли бы в судебные следователи. Ведь такой талант пропадает!

– Благодарю за добрые слова, Ефим Андреевич, но это не для меня. Уж больно я не люблю, когда над головой ежедневно висит дамоклов меч начальства. Другое дело адвокат – птица вольная, независимая.

– Ну-да, ну-да, здесь ваша правда. Я вот только что полицмейстеру докладывал, что убийцу Саркисова поймали. И что вы думаете? Поблагодарил он старика Поляничко за отменную работу? Нет-с! «Смотри, – говорит, – Ефим Андреевич, не ошибись. Леечкин следователь молодой, неопытный. Накуролесит такого, что о-го-го! А крайними перед губернатором все равно мы окажемся».

– Стало быть, вы уверены, что Безобразов убийца?

– Так оно и есть! – Поляничко махнул рукой, точно шашкой, и полез в карман за табакеркой. – Другого и искать не надо. Мы у него письмо Саркисова обнаружили, в котором тот предлагал Безобразову встретиться вечером за городом, на въезде. Там, видать, Саркисова он и порешил. И голову отрезал, чтобы труп не признали. А саркисовских писем у него нашлось штук восемь или десять; кое-что изъяли, кое-что оставили.

– Письмо из Георгиевска было? – осведомился Ардашев.

– Да, – растирая между пальцами душистый табак, подтвердил сыщик. – А вы откуда об этом знаете? Супружница арестованного наболтала?

– Нет, я с ней не встречался. Это лишь моя догадка. Но поскольку она верна, смею предположить, что адрес, скорее всего, был написан карандашом, да?

Поляничко уставился в землю, силясь вспомнить. Наконец он ответил:

– Точно, карандашом. Я еще подумал, странное дело: письмо пером писал, а адрес карандашом. – Довольный тем, что память его не подвела, Поляничко принялся забивать нос зельем.

– Обратный адрес на письме значился: Георгиевск, улица Пятигорская, дом 5? Так?

– А вот этого, Клим Пантелеевич, я уж точно не... не... не... – полицейский вынул фуляровый платок и зашелся бесконечной чередой чихов. Когда на его глазах выступили слезы умиления, он тщательно высморкался и закончил фразу: – ...не помню, простите. А какое, позвольте узнать, это имеет значение? Может, еще и про штампы спросите?

– Именно. Окажите услугу, Ефим Андреевич, уточните три момента: обратный адрес, даты и штампы.

– Все материалы находятся у Леечкина. Стало быть, надо идти к нему в следственную камеру. Эх, Клим Пантелеевич, не жалеете вы меня, гоняете старика по улице. Да и какой в этом смысл, если и так понятно, что спор у них разгорелся из-за денег: задолжал Саркисов Безобразову. Это, кстати сказать, подозреваемый признал. Правда, дальше все отрицает: «Саркисова я не видел. Прождал его с полчаса и обратно поехал». – Поляничко взмахнул руками: – Но ведь врет! Нет у него свидетелей. Он на своей пролетке прикатил. Взял бы извозчика – другое дело, хотя...

– Что?

– Саркисов в письме просил, чтобы он один на встрече был, – задумчиво проронил начальник сыскного отделения. – Мол, не стоит судебную тяжбу затевать, все промеж собой решим. Давай встретимся восьмого числа в восемь вечера, за городом. Скажу вам честно: там письма-то того – всего две строчки.

– Тогда не пойму, на каком основании вы задержали Безобразова?

– То есть как «на каком»? На самом что ни на есть железном: супружница Саркисова поведала нам, что в пятницу, восьмого дня, муженек ее покойный поехал с хозяином музыкального магазина встречаться, сиречь с господином Безобразовым. Они перед этим даже кабанчика зарезали и дом продали, чтобы с ним рассчитаться. Покупатель расплатился с Саркисовым передаточным векселем Русско-Азиатского банка на сумму восемь тысяч рублей. Но домой ни в тот, ни в другой день он так и не вернулся. Вдова теперь голосит: мужа убили, вексель пропал и ей с дома съезжать надобно. Вот уж, действительно, беда не приходит одна.

– А что Безобразов показал по поводу долга? Сколько ему Саркисов задолжал?

– Десять тысяч рубликов! Представляете? Я и за пять лет столько не заработаю. Арестант от всего отказывается, плачет, говорит, что мы на него навет возвели. А куда отрезанную голову дел – не признается. Но рано или поздно мы ее отыщем, не сомневайтесь.

– У Безобразова в таком случае тоже должны были следы крови на одежде остаться. Нашли что-нибудь?

– Нет, пока ничего такого не отыскивали. – Поляничко потоптался на месте и вымолвил с грустью: – Устал я от вашего допроса. Так что, господа, мы идем к Леечкину или нет?

– Да-да, конечно. Тут ведь рукой подать.

Судебные следователи располагались через дорогу от Окружного суда, в верхней части Николаевского проспекта. Дорога не заняла больше десяти минут. Ардашев и Нижегородцев уселись на лавочку, ожидая возвращения Поляничко.

Ефим Андреевич не заставил себя долго ждать. От внимания присяжного поверенного не ускользнуло, что главный городской сыщик был несколько расстроен. Не говоря ни слова, он плюхнулся рядом с Ардашевым. Прошла минута, другая, но полицейский все молчал.

– Итак, Ефим Андреевич, что скажете? – не выдержал доктор.

– Чепухения непонятная, – рассматривая носки своих поношенных туфель, пробурчал полицейский. – Обратный адрес указан не здешний, а тот, который вы упомянули: Георгиевск, улица Пятигорская, дом пять. Отправлено шестого августа седьмого года. Адресату поступило уже на следующий день. Но оба штемпеля – наши, ставропольские. – Он пожевал губами и, откинувшись на спинку лавочки, изрек: – Могу допустить, что свое послание Саркисов написал еще там, в Георгиевске, но потом по какой-то причине забыл бросить в почтовый ящик и привез в Ставрополь. И уже отсюда отослал Безобразову.

– Вы почти правы, – улыбнулся Ардашев и, не давая Поляничко опомниться, спросил: – А правда, что у него руки в локтях были связаны?

– Нет, про руки крест-накрест – это сплетни. Народ, знаете ли, любит всегда этакую перчинку ужаса добавить. Нет, этого и в помине не было. Жена Саркисова сказала, что когда она в окно узрела труп, то сразу потеряла сознание. Это потом ее кухарка водой отпоила... Соседи помогли тело снять и полицию известить. Позже и мы подкатали. Ох, скажу я вам, и смердил

этот Саркисов – мочи никакой не было рядом находиться. Да это и неудивительно, ведь столько времени мертвяк в коляске трясся.

– А что врач указал в заключении? – вмешался в разговор Нижегородцев.

– Наш эскулап считает, что труп несколько дней. По крайней мере, не меньше двух. Тут немудрено и ошибиться. Сами видите, какие погоды нынче стоят: то дождь, то солнце.

– А какова причина смерти? – поинтересовался Ардашев.

– Что вы имеете в виду? – Поляничко недоуменно поморщился. – Ему же голову отрезали, секир-башка, знаете ли! – И он провел ладонью по горлу.

– Я хотел уточнить, нет ли каких-либо других повреждений на теле? – пояснил присяжный поверенный.

– Нет, наверное, нет. Во всяком случае, прозектор ничего подобного не упомянул.

– Благодарю вас, Ефим Андреевич, – вставая, выговорил адвокат. – Вы нам очень помогли.

– Чем же это? – недоуменно спросил сыщик. – По-моему, все еще больше запуталось. А, на мой взгляд, тут все просто: Безобразов встретился с Саркисовым в условленном месте. Повздорили. Видать, спор из-за денег вышел. Вексель-то всего долга не покрывал. Вот и не сдержался купец и полосонул должника ножичком по горлу. Видимо, как раз в тот момент, когда Саркисов уезжать собирался. Потом испугался и, чтобы труп не опознали, отрезал ему голову и куда-то спрятал. Может, закопал, а может, и в пруду утопил. С места поспешно скрылся. Ценную бумагу с собой прихватил. Но не учел убивец, что лошадка рано или поздно коляску к дому Саркисова притащит. Вот и весь сказ. Да ну вас! – Он махнул рукой и поднялся. – Прав Антон Филаретович: вечно вы выдумываете всякие небылицы! Пойду я. Желаю здравствовать.

– Честь имею!

Дождавшись, пока Поляничко удалится, Нижегородцев заметил:

– Ох и раздосадовали мы старика, если он Каширина вдруг вспомнил. Ведь знает, что он вас недолюбливает, а все равно упомянул.

– Я на него не в обиде. Как-никак благодаря Ефиму Андреевичу многое начинает выясняться.

– Разве? А мне, признаться, кажется, что в некотором роде начальник сыскного прав: все еще более усложнилось, не так ли? – доктор посмотрел на Ардашева вопросительным взглядом, надеясь, что тот пустится в объяснения.

– Погодите, мой друг, рано еще прогнозами делиться. Кстати, Николай Петрович, а не хотите сегодня со мною попутешествовать?

– А куда, если не секрет?

– В Армавир. – Присяжный поверенный достал из кармашка золотой «Мозер» и, щелкнув крышкой, изрек: – Поезд отходит через три часа. Если поторопимся – вполне успеем.

– А обратно когда?

– Завтра вернемся.

– Я готов, – безрадостно выдавил из себя слова доктор.

– В таком случае без четверти девять встречаемся на вокзале. За билетами я Варвару пошлю.

– Хорошо.

– Тогда не стоит терять время. До встречи.

Клим Пантелеевич достал коробочку монпансье, выбрал очередную сладкую жертву и отправил ее в рот. Выбрасывая вперед трость, адвокат зашагал вниз по Николаевскому проспекту, к дому с надписью «Страховое общество «Россия».

2

Черная плащаница ночи окутала Армавир. Лунный свет, пытаясь пробиться сквозь толстую стену облаков, освещал только крыши домов и верхушки деревьев, но до земли так и не смог добраться. Потухшие витрины дорогих магазинов Бульварной улицы смотрелись мертвыми глазницами. Керосинно-калийные фонари, расставленные на почтительном расстоянии друг от друга, освещали не более сажени вокруг, и потому все остальное пространство между ними казалось погруженным в свинцовую темень августовской ночи. И только шелест листьев в садах да терпкий запах степных трав, принесенный легким ветром, напоминали об уходящем лете. Где-то на окраинах селения слышался лай сторожевой собаки и испуганный крик разбуженных домашних гусей.

Издалека, почти от самого вокзала, доносилось мерное постукивание конских копыт по мостовой. Одинокая коляска проследовала до помпезного четырехэтажного здания Большой Московской гостиницы и остановилась у парадного входа.

– Благодарю, любезный, – проговорил один из пассажиров и, оставив вознице полтинник, вышел из экипажа. За ним, к входной двери, направился его спутник.

В вестибюле гостиницы услужливый портье, выдавая ключи, заполнял карточки гостей:

– Комната триста пять. Ардашев Клим Пантелеевич, присяжный поверенный Ставропольского окружного суда; комната триста шесть. Нижегородцев Николай Петрович, частнопрактикующий врач, живет в Ставрополе. – Он натянуто улыбнулся и выговорил: – Завтрак с восьми тридцати до десяти, блюда подаются в ресторане и летнем саду. Счастливого отдыха, господа.

– Благодарю, – вымолвил Клим Пантелеевич. Вместе с Нижегородцевым они направились к лестнице.

Поднявшись на третий этаж, Ардашев провещал:

– Итак, доктор, нам предстоит непростой день. На завтрак мы уж точно не успеем, потому что с утра нам придется наведаться в полицейский участок. Зато позже я вам гарантирую прекрасный обед в одном из местных ресторанов. Надеюсь, будет повод отметить окончание расследования дела по убийству Саркисова. Итак, встретимся внизу в семь тридцать.

– Хорошо. Я попрошу портье разбудить меня телефонным звонком в семь. Но, может быть, вы хоть намекнете, кто все-таки убил этого армянина?

– Утро вечера мудренее. Не стоит торопить события.

– А что, если Саркисова имела любовника, который и убил ее мужа? – продолжал рассуждать доктор. – На мой взгляд, эта версия вполне убедительная: вексель остался у них, а злодейство они списали на Безобразова. К тому же я видел, что вчера вы заходили в страховую компанию. Думаю, вы хотели узнать, была ли застрахована жизнь Саркисова. Если это и в самом деле так и выгодополучателем является его жена, то все ясно – без ее участия тут не обошлось.

– Завтра вы все узнаете. Это я вам обещаю.

– Да, – вздохнул эскулап, – вы не изменяете своим принципам: не посвящать в свой замысел, пока не откроется тайна.

– Отдыхайте, Николай Петрович, вредно засыпать с ворохом гипотез. От этого плохие сны грезятся. Спокойной ночи!

3

В Армавирском отделении Русско-Азиатского банка, размещавшемся в угловом доме улицы генерала Засса, с самого утра царил суеда. Служащие с грустными лицами сновали по вестибюлю, уткнувшись носами в бумаги. Оно и понятно: понедельник, начало рабочей недели.

За гостевым столиком сидели три скучающих посетителя: важный господин явно европейского вида с бритым лицом и едва заметной сединой. Дорогой костюм английского покроя, золотые запонки и черный муаровый галстук с бриллиантовой булавкой свидетельствовали о его достатке. Он был поглощен чтением восьмого номера журнала «Вокруг света»; с противоположной стороны стола расположился серьезный мужчина в пенсне с небольшими усами и бородкой клинышком. Нервно подергивая правой ногой, он время от времени нетерпеливо поглядывал на часы, висевшие на стене; рядом с ним, неподалеку от окошка кассира, скучал какой-то человек с жиденькими усиками и бритым подбородком. Одет он был по-купчески: суконные штаны, заправленные в хромовые сапоги, шелковая сорочка с отворотом, перепоясанная тонким ремешком, и пиджак; из его правого бокового кармана торчала свернутая в трубочку газета. Откинувшись на спинку стула, он дымил папиросой и пялился в потолок, рассматривая лепные украшения.

Стукнула входная дверь, и бородатый мужчина в котелке и пиджачной паре направился к кассе. В правой руке незнакомец держал саквояж. Из внутреннего кармана он вынул какую-то бумагу и, передавая кассиру, сказал:

– Это вексель вашего банка. Извольте оплатить.

– Так... жиро¹² на Саркисова Арама Робертовича. Паспорт есть?

– Вот, пожалуйста. – Он передал в окошко документ.

– Что ж, господа, маскарад окончен, – вставая, проговорил Ардашев.

– Надо же! Покойный Саркисов собственной персоной! – воскликнул доктор.

– Вы арестованы! – рявкнул полицейский. Он вынул из кармана малые ручные цепочки и, окольцевав оторопевшего мошенника, произнес: – Пройдемте со мной, милостивый государь.

– Куда? – глупо моргая, просипел тот.

– На кудыкину гору. Там наш участок стоит.

– А вексель? Вексель забыли! Он мой! Отдайте! Вы не имеете права лишать меня собственности без судебного решения! – возмутился задержанный.

– Не волнуйтесь, Саркисов, – вмешался присяжный поверенный, – судьбу этой ценной бумаги, как и всего вашего имущества, будет решать суд. Банк проверит ее подлинность и перешлет в Ставрополь судебному следователю Леечкину. Кстати, – Ардашев посмотрел на часы, – через четверть часа ваша дражайшая супруга должна явиться в «Россию» за страховым возмещением по случаю вашей «смерти». Как только она получит деньги, ее тут же арестуют. Начальник сыскного отделения пообещал мне, что сделает это самолично. Безымянную могилу на Даниловском кладбище, откуда вы выкопали труп несчастного бродяги, уже нашли. По моей просьбе кладбищенскому сторожу показали вашу фотографию. Он узнал в вас того человека, который приходил к нему несколько дней назад, чтобы перезахоронить якобы своего родственника. А вам надобно торопиться, потому что господин Поляничко ждет звонка от своих армавирских коллег, дабы освободить несчастного Безобразова, томящегося в Тюремном замке. Так что не мешкайте, любезный, ступайте, ступайте.

¹² Жиро (итал., уст.) – перевод векселя, индоссамент, передаточная надпись на векселе.

Втянув голову в плечи, Саркисов поплелся к выходу. За ним с пустым саквояжем шагал полицейский, прекрасно сыгравший роль купца. Ардашев и Нижегородцев замыкали процессию.

– Вот и все, Николай Петрович, *finita la commedia*, – устало выговорил Ардашев, выходя на улицу. – Дальше обойдутся без нашей помощи. А мы заслужили отдых. Так что пожалуйста в ресторацию!

– Но позвольте один вопрос?

– Все вопросы только после рюмки водки!

– Вы... вы будете пить водку? – изумился врач.

– А почему нет? Сегодня, пожалуй, подходящий повод.

Клим Пантелеевич остановил извозчика и забрался в коляску. Рядом разместился Нижегородцев.

– Куда прикажете, барин? – осведомился возница.

– В ресторацию.

– В какую?

– В лучшую, голубчик, в лучшую!

– Ага! Тогда в «Париж»?

– Стало быть, в «Париж»!

4

– И все-таки, что ни говорите, дорогой Николай Петрович, а любой спиртной напиток должен быть связан с характером еды. Всем известно, что красное вино подают к дичи, белое – к рыбе, а вот водка лучше всего подходит к исконно русским закускам. Тут другое дело. К примеру, севрюга и семга без водки совсем не то, что с водкой, потому что лишь с ней эти кушанья раскроют все прелести своего вкуса. И даже если вы, положим, совсем не пьющий человек, но считаете себя настоящим гастрономом, то, пробуя русские блюда, вам надобно употребить рюмку водки. Без этого никак нельзя! Иначе вы не получите полного удовольствия от блюда и не ощутите всю гамму вкуса. Это все равно что лимон без сахара пробовать. Но и тут есть свои нюансы. – Клим Пантелеевич взял запотевший графин и наполнил крохотные рюмки. – Выпив водки, вы должны не закусывать, а вкушать еду. А потому наливайте этого сорокаградусного зелья не больше наперстка. Тогда вы сразу почувствуете ее вкус. Ведь настоящая водка не имеет запаха. Но пить ее надобно не залпом, а маленькими глоточками, тогда послевкусие водки не сольется со вкусом еды, а дополнит его, точнее – присоединится к нему. Двух-трех таких вот крохотных рюмок за обедом или ужином вполне достаточно, чтобы получить наслаждение. Но хватит слов, давайте выпьем. Прежде скушайте ложечку паюсной икры, потом законный глоток водки и снова икорку. Уверю вас, вы почувствуете наслаждение. Ваше здоровье!

– Ваше здоровье!

Николай Петрович в точности последовал совету Ардашева и от наступившего блаженства прикрыл глаза.

– Чудо чудное! – тихо вымолвил доктор и, разомкнув веки, добавил: – Вы, как всегда, правы. Знаете, я давно заметил, что нет лучшего средства от хандры, ненастья и плохих мыслей, чем рюмка водки и розеточка с паюсной икрой. Красная, конечно, ей уступает...

– Не скажите! С ней надобно иначе поступать: заправьте ее мелко нарезанным зеленым луком, маслица прованского не забудьте, положите на хлеб и поднесите ко рту, но не ешьте – нет! – а лишь вдохните аромат. И сразу же опрокиньте рюмку холодной водки (в данном разе пить надобно залпом). Секунду-другую подождите, пока тепло дойдет до желудка, и уже после этого откусите кусочек. Блаженство рая!

– Ох и умеете вы, Клим Пантелеевич, аппетит нагонять! Но как бы мне ни хотелось выпить, все же желание вернуться к делу Саркисова его пересиливает. Я и подумать не мог, что он жив. Как же вы об этом догадались?

– Да тут все просто. Если вы помните, с самого начала Поляничко сообщил нам две существенных вещи: первая заключалась в том, что ради расчета с Безобразовым Саркисовы продали дом, но взамен получили не деньги, а вексель. Меня это сразу насторожило, поскольку, как вы понимаете, сделки с ценными бумагами всегда связаны пусть и с небольшим, но все-таки риском. Срок погашения векселя здесь тоже играет не последнюю роль. Из этого я заключил, что они очень торопились и пошли на все условия покупателя; второй момент – адрес; его указали карандашом, а не чернилами, в отличие от самого письма.

– Ну и что? А может, у него чернила кончились или перо сломалось?

– Такие обстоятельства исключать нельзя, но согласитесь, они маловероятны. Дело, скорее, в другом: карандашная запись, как вы знаете, влаги не боится, а чернила на бумаге от воды растекаются. В прошедшие дни, в частности шестого августа, шел дождь (вы еще сами упомянули, что «по расплывшейся от дождя и грязи дороге тащилась странная коляска, запряженная пегой лошастью»), помните? Вот Саркисов и побоялся, что конверт может под воду попасть и тогда доказательство, что письмо адресовалось Безобразову, могло исчезнуть. Это меня с самого начала и насторожило. А дальше оказалось, что обратный адрес был указан георгиевский, а письмо опустили в ставропольский почтовый ящик.

– А если гипотеза Поляничко верна? Мол, хотел из Георгиевска отослать, но забыл, и потому, когда уже приехал в Ставрополь, вспомнил и на почту отнес?

– Да бросьте вы, право! Забыл отправить столь важное письмо, в котором он сообщает, что готов, наконец, рассчитаться по старым долгам, что продал дом и приготовил вексель? Разве такое возможно? И вы в это верите?

– Не знаю, – пожал плечами доктор, – в жизни всякое случается, но ваше предположение, признаюсь, более вероятно. Преступник заранее предполагал, что во время обыска у Безобразова обнаружат это послание. Да и жена Саркисова не забыла поведать полиции, с кем отправился на встречу ее «покойный» муж.

– Безусловно! Письмо было написано в Ставрополе, здесь же его и бросили, а георгиевский обратный адрес указали для того, чтобы просьба о встрече в вечернее время на въезде в город показалась Безобразову вполне правдоподобной. Еду, дескать, из Георгиевска, вот и давайте, милостивый государь, поговорим за городом, пока не стемнело. Саркисову во что бы то ни стало требовалось вытащить кредитора к монастырю, поближе к лесу.

– Но зачем? – Нижегородцев откинулся на спинку стула.

– Простите, доктор. Но иногда вы меня удивляете. По-моему, последующие действия мошенника вполне очевидны.

– Выходит, Саркисов все подстроил заранее? И безымянный труп вырыл, и передел его потом, и обезглавил, и усадил в свою коляску?

– Несомненно.

– А кровь? Кровь на трупе откуда?

– Помните, Поляничко сказывал, что Саркисовы не так давно кабанчика закололи? Вот кровью этого кабана он заранее и облил одежду, в которую потом нарядил мертвеца.

– Положим, что касается страховки – тут все ясно. Вы просто-напросто зашли в страховую компанию и все выяснили, так?

– Совершенно верно. Страховщикам мое расследование, сами понимаете, на руку, поэтому они от меня ничего не скрывали. Мне, конечно, повезло, что в воскресный день их контора была открыта.

– А вот откуда вы могли знать, что Саркисов появится в Армавире, а не в Георгиевске или, допустим, Пятигорске?

– Объяснение простое. Дом супруги Саркисовы продали за передаточный вексель Русско-Азиатского банка. В нем Арам Робертович Саркисов выступал в качестве индоссатора¹³, то есть деньги получить мог только он. Как я выяснил, ближайшая контора этого банка, куда можно быстрее всего добраться из Ставрополя, находится в Армавире. Поездом это занимает всего несколько часов. Кстати, ни в Георгиевске, ни в том же Пятигорске этого банка нет.

– А как вы определили время его появления?

– Это несложно. Восьмого августа, в пятницу, у Саркисова и Безобразова должна была состояться встреча, на которую Саркисов, естественно, не приехал. К вечеру пятницы он уже откопал труп на Даниловском кладбище, отрезал ему голову и передел в свою одежду, которую раньше облил кровью заколотого кабанчика. Дело было сделано. Лошадка плутала по ставропольским улочкам и пугала случайных прохожих. Тем временем злоумышленник уже был на пути к Армавиру. Но вот незадача! Поезд из Ставрополя выходил в девять вечера, а армавирский банк закрылся двумя часами раньше. Суббота и воскресенье – выходные. Следовательно, появиться перед кассовым окошком он мог только сегодня утром, в понедельник.

– А на какую сумму Саркисов застраховал свою жизнь?

– На пять тысяч.

¹³ Индоссатор – лицо, на имя которого переводится вексель.

– Ого! Ну и аппетит у них! Дом продали, пятитысячную страховку чуть не получили и от главного кредитора почти избавились. Так ведь и смертоубийства никакого не совершили! Ну, подумаешь, безымянный труп выкопал, обезглавил, но потом ведь все равно его земле предал. Это, пожалуй, не так страшно, как мошенничество.

– Вы правы.

– М-да, – задумчиво выговорил Нижегородцев, – эта парочка вроде бы все учла, но проморгала одну «пустяшную» вероятность. Они не могли предположить, что делом обезглавленного седока займется непревзойденный адвокат Ардашев.

– Благодарю вас, Николай Петрович, за добрые слова. А не пропустить ли нам еще по рюмочке? К тому же севрюга горячего копчения изумительна.

– Да, соблазн велик! От такой закуски грех отказываться.

– А мы и не будем. Ведь не зря же говорят на Востоке: не поддашься искушению, не получишь удовольствия.

Загадка Амфиокса

1

Клим Пантелеевич Ардашев городскую библиотеку посещал по четвергам. Для присяжного поверенного Ставропольского окружного суда это был единственный способ ознакомиться с заграничной прессой. Ставрополь – не Москва, и уж точно не столица. Купить в киоске «The Times», «Le Figaro» или «Das Reich» было невозможно. Зато публичная библиотека, основанная еще в 1852 году, выписывала немало иностранных газет и журналов.

Начало сентября на юге – это еще почти лето. Деревья не спешат расставаться с зелеными одеждами, и птицы не торопятся на юг. Только вот небо меняется: с каждым днем все меньше голубых оттенков и все больше серых. И облака, еще недавно белые как снег, теперь виснут над железными крышами темными кусками застиранных тряпок. Осень, в этих краях мягкая и тихая, входит в город незаметно, стараясь не пугать разомлевших от августовского тепла жителей грядущими холодными ливнями и ночными заморозками. Солнце по-прежнему яркое, но уже не столь теплое. Оно катится красным шаром за горизонт и, минуя короткие сумерки, отпускает улицы во власть темноты. До его захода – семи двадцати пополудни – оставалось еще два часа.

Библиотека располагалась на Вельяминовской улице, и Ардашеву оставалось преодолеть каких-нибудь пятьдесят саженей до читальни, когда впереди прогремел выстрел. Его услышали все: извозчики, уличные торговцы снедью и, конечно же, городской. Страж порядка, стоявший на углу Александровской и Театральной, дунул для порядка в нейзильберовый свисток и бросился в подворотню, откуда и послышался ружейный гром.

Клим Пантелеевич ускорил шаг и свернул во двор, где находился вход в библиотеку. На улице, у самых дверей, он увидел доктора Нижегородцева. Эскулап был не на шутку напуган. Завидев адвоката, он шагнул навстречу и, едва сдерживая волнение, дрожащим голосом выговорил:

– Господи, как хорошо, что вы пришли... На моих глазах только что убили человека. Директор 1-й мужской гимназии застрелен!

– Где?

– В читальной зале! Он сидел прямо у окна. Оно было закрыто портьерой. Выстрел, судя по всему, произвели с улицы. Пуля угодила бедняге в голову.

– И вы там были?

– Ну да! Пришел почитать последний номер «Врача». Кроме меня там остались еще трое. Не успел я выскочить на свежий воздух, как принесся городской. Теперь он никому не разрешает покидать помещение. Может быть, хоть вы его образумите?

– Что ж, давайте войдем, – адвокат решительно потянул на себя ручку входной двери.

В гардеробной никого не было. На вешалке висел плащ и чье-то легкое пальто. В конце коридора виднелась открытая дверь и слышались мужские голоса. Именно туда Ардашев и направился. Неожиданно в дверном проеме выросла фигура городского.

– Сюда нельзя! – грозно предупредил он. – Здесь только что было совершено смертоубийство.

– Именно потому я и должен войти, – настоял Ардашев.

– Кто вы такой?

– Присяжный поверенный Окружного суда. Вы известили полицию?

– Так точно! – вытягиваясь во фронт, отчеканил полицейский. – Я позвонил им в телефон. С минуты на минуту они придут. Господин Поляничко приказал никого не выпускать.

Клим Пантелеевич направился в комнату.

У самого входа сидели трое. Худой и долговязый инженер Вахтель, будто страдая от мигрени, нервно тер виски. Через стол от него с испуганным лицом сидел письмоводитель городского головы Каюмов. Дальше, за конторкой, переминался с ноги на ногу библиотекарь Коркин. На противоположной стороне, у окна, уткнувшись головой в крышку стола и завалившись на левый бок, полулежал труп, который еще недавно был директором первой мужской гимназии Василием Поликарповичем Мавилло. Пуля угодила статскому советнику в висок. Из глубокой раны капала тягучая темная кровь. Рядом с ним – стопка книг, раскрытая тетрадь и заграничное перо.

– Здравствуйте, господа, – тихо проговорил Ардашев, осматривая тело.

– А, Клим Пантелеевич, какая удача, что вы здесь! – воскликнул библиотекарь, пощипывая клиновидную бородку. – Не сочтите за труд, объясните этому полицейскому истукану, что мы тут ни при чем. Ведь все находились в этой зале, а убийца стрелял с улицы, через окно. Так чего же нас держат вместе с трупом?

– Вот именно! – подскочил письмоводитель и, пригладив плешь, добавил: – Глупость несусветная.

– Форменное безобразие! – присоединился к общему мнению инженер и нервно щелкнул костяшками пальцев.

– А мне, господа, не велено вас отпускать. Господин Поляничко так и сказал: «Пусть сидят и ждут, покамест мы не прибудем». Он приедет, ему и жалеться. А я человек маленький. Мое дело – начальственные приказы исполнять. А вот вы, сударь, – городской повернулся к вошедшему доктору, – тоже соблаговолите никуда не отлучаться, пока вас не допросят.

– Да я и не возражаю, – пожал плечами Нижегородцев. – Извольте. Однако не вижу необходимости торчать именно здесь. Тут хватает и других помещений.

– А выходного отверстия, Николай Петрович, я так и не нашел, – заключил адвокат, не обращая внимания на перепалку.

– Раз нет, значит, в голове застряла, – послышался чей-то голос.

В дверях стоял начальник сыскного отделения.

– Вот скажите, Клим Пантелеевич, как вам удастся раньше нас оказываться на месте преступления? – ступая в комнату, осведомился сыщик.

– А ему дьявол записочки посылает, на манер тех, что на помин души в церкви заказывают. Говорит, мол, такого-то дня, в таком-то месте раба божьего Василия прикончат. И он вместо того, чтобы предотвратить смертоубийство, ждет, когда оно случится. Я прав, Клим Пантелеевич? – выглядывая из-за спины своего патрона, ехидно осведомился Каширин.

– Почти, Антон Филаретович, почти. Он, окаанный, еще и на словах кое-что передает.

– И что же?

– Главное, говорит, чтобы расследованием занялся помощник начальника сыскного отделения. Тогда не только преступник останется безнаказанным, но и невиновного человека отправят на каторгу. И, потирая руки, обычно добавляет: – Благодаря Каширину вместо одного злодеяствия всегда совершается два.

– А по какому такому вашему римскому праву вы смеете надо мною издеваться? – наливая свекольным цветом, возмутился полицейский.

– Ладно, Антон Филаретович, успокойтесь! – махнул рукой Поляничко. – Сами затеяли перебранку, а теперь возмущаетесь. Вы бы лучше посторонились, а то наш фотограф никак не протиснется со своей треногой. – Глядя в окно, он добавил: – А вот и судебный следователь с доктором пожаловали... Сейчас работа закипит.

Тем временем Ардашев стоял у окна и молча рассматривал последствия выстрела. Пуля пробила стекла двух рам под углом, прошила портьеру и только потом угодила жертве в висок.

В считанные минуты в небольшой читальной зале стало тесно. Помещение хоть и было просторным, но свидетели убийства, сыщики, полицейский врач и даже следователь Леечкин после осмотра тела предпочли расположиться поодаль от него и потому заняли вторую половину комнаты.

Не говоря ни слова, Клим Пантелеевич вышел на улицу и принялся осматривать окно снаружи. Голубые сумерки уже уступали место ночи, но темнота пока не наступила. Вскоре появился доктор Нижегородцев.

– Уф! – выдохнул он. – Въедливый тип этот Леечкин. Замучил вопросами. «Была ли открыта портьера или закрыта? Кто открыл ее? А кто закрыл?» Он, чудака, считает, что я должен был обратить на это внимание. Странный человек! Неужели неясно, что, когда ты поглощен чтением, ничего вокруг не замечаешь?

– Это только в том случае, если книга вас захватила, – доставая жестяную коробочку с надписью «Георг Ландрин», заметил присяжный поверенный.

– А разве может не заинтересовать статья профессора Шлейтцера «Воспаление среднего уха»?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.